

Радь Эльза Анисовна

АВТОР – НАРРАТОР – ГЕРОЙ В СТИХОТВОРЕНИИ В. БРЮСОВА "БЛУДНЫЙ СЫН"

В статье рассматривается слияние текста персонажа с текстом нарратора, что является характерным для многих лирических произведений. Единственная "точка зрения" в стихотворении репрезентирует субъектные переживания и отражает духовный опыт лирического героя – блудного сына – как свидетельство изменения его состояния. Первичным объектом для моделирования сюжетно-фабульной структуры лирического произведения, в котором есть внутренняя сюжетность, стала мифологическая модель с закодированными смыслами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 168-170. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

APPLICATION OF ELECTRONIC BILINGUAL DICTIONARY WHEN WORKING WITH TEXTS ON SPECIALTY: THEORY AND PRACTICE

Prokudina Ol'ga Andreevna
Moscow City Pedagogical University
olgaprok17@rambler.ru

The author tells about the advantages of electronic bilingual dictionary use in foreign language classes in a specialized college when working with texts on the specialty, shows the specificity of individual and group work with the application of this type of dictionary, and discusses the principles of work with electronic dictionary in foreign language classes.

Key words and phrases: electronic bilingual dictionary; text on specialty; advantages; principles of work.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается слияние текста персонажа с текстом нарратора, что является характерным для многих лирических произведений. Единственная «точка зрения» в стихотворении репрезентирует субъектные переживания и отражает духовный опыт лирического героя – блудного сына – как свидетельство изменения его состояния. Первичным объектом для моделирования сюжетно-фабульной структуры лирического произведения, в котором есть внутренняя сюжетность, стала мифологическая модель с закодированными смыслами.

Ключевые слова и фразы: автор; память; герой-нарратор; диегезис; архетипический сюжет; мотив; эквивалентности.

Радь Эльза Анисовна, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
elza_rad@mail.ru

АВТОР – НАРРАТОР – ГЕРОЙ В СТИХОТВОРЕНИИ В. БРЮСОВА «БЛУДНЫЙ СЫН»[©]

Лирическое произведение В. Брюсова «Блудный сын» (1903) являет собой один из способов порождения очередного потенциального варианта первоначального структурного кода (евангельской притчи о блудном сыне). Его вариативность, определяемая координатами смыслового пространства, отражает трансформацию архетипического сюжета, сохраняя генетическую информацию и разного рода эквивалентности.

Стихотворение В. Брюсова «Блудный сын» – пример моделирования индивидуальным авторским сознанием актуального сюжета (имплицитно проявленного в структуре конкретного лирического нарратива и воспроизведенного в воспоминаниях лирического героя), первичным объектом для которого стала мифологическая модель с закодированными смыслами.

Принцип эквивалентности структурных элементов в концепции В. Шмида [4, с. 230] позволяет обнаружить в брюсовском тексте обязательный для художественного высказывания смысловый прирост. В данном случае смысловой прирост происходит к тексту-первооснове, дающему импульс для порождения новых смыслов и возможности развертывания отдельных смысловых координат. А личностная (авторская) память и сверхличностная память культуры, участвующие в механизме моделирования, интертекстуальными связями объединяют в единое целое три текста: библейскую притчу о блудном сыне, стихотворение А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (строчка из которого – эпитафия в стихотворении «Блудный сын») и новый текст, рожденный авторской интенцией В. Брюсова. Все три произведения имеют в своей структуре мотив блудного сына, «продвигающий» повествование и определяющий перспективу событийного развития действия. Структура модели лирического произведения В. Брюсова содержит неуничтожимо-вечное «ядро» архетипического сюжета. Его новая оболочка репрезентирует рефлексивное осознание собственной жизни через исповедальное слово. Обязательной составляющей структуры исповедального текста выступает мотив грехопадения.

Интерференция текстов позволяет интерпретатору находить в них ключи для дешифровки смыслов, заложенных в стихотворении В. Брюсова, в котором, в отличие от эпического текста притчи, присутствует единственная «точка зрения» на события – «точка зрения» лирического героя.

Герой в диегетическом плане текста представлен автором единолично. Автор «фиксирует» свое присутствие и авторскую оценку определением важной для текста тематической структурной единицей – заголовком «Блудный сын» и эпитафией – пушкинской строкой «Так отрок Библии, безумный расточитель...». Тема, заявленная автором в заглавии, – перекодируется: библейская история, охватывающая эксплицитно изображаемые элементы, высвобождает в актуальном для автора тексте смысловые потенциалы. В авторской

интенции представлен внутренний мир блудного сына, созданный повествовательным актом героя-нарратора и дополняющий архетипический сюжет его «точкой зрения». Произведя отбор элементов из евангельского текста, автор далее ни формально, ни семантически о себе не заявляет, акцентируя первостепенность взгляда изнутри, принадлежащего герою. Но сознание героя и «сознание произведения» соотносимы также как автор-субъект сознания и автор биографический [2, с. 174]. Герой в диэгесисе повествует об изменениях, беря на себя функции нарратора. Герой-нарратор создает индивидуальную историю своей жизни. Репрезентируются субъектные переживания, выражение «точки зрения» в которых первостепенно. Изображения внешнего мира прошлого и настоящего служат целям самовыражения. Экспликация внутреннего, ментального события, передающего изменения в эмоциональной и интеллектуальной сфере сознания героя, возвращает духовный опыт блудного сына, помещенный автором в центр высказывания.

В структуре лирического произведения через текст героя-нарратора моделируется новая действительность, в которой эксплицитно развивается сюжет жизни лирического героя. Сюжетно-фабульная организация текста проявлена в повествуемой истории, развернутой во времени (прошлое, настоящее), локализованной в пространстве (вне отчего дома, в дальней стороне) и вступающей в диалог с мифом. Ментальная деятельность субъекта, являющаяся основой смыслообразования, через воспоминания репрезентирует аксиологические представления героя.

Специфика поведения героя связана с тем, что события, о которых он сообщает, сопряжены не только с его рефлексией, но и с рядом сюжетных действий, воспроизведенных в памяти. Лирический герой, осуществляя повествовательный акт, бросает ретроспективный взгляд на свое недавнее и далекое прошлое, но в основе его высказывания находится понимание своего измененного внутреннего состояния. Повествуя о себе, своем прошлом и надеясь на будущее, связанное с возвращением в отчий дом, лирический герой «соответствует диэгетическому нарратору в традиционном эпическом повествовании» [3]. Герой Брюсова не просто участвует в событиях повествования, он сам эти события порождает: производит действия, которые имеют для него свои последствия. Концентрируясь на собственном внутреннем мире, блудный сын моделирует возможное будущее и высказывает надежду на возвращение: *«Ужели, перешедши реки, / Завижу я мой отчий дом / И упаду, как отрок некий, / Повергнут скорбью и стыдом»* [1, с. 123]. Будущее связывается с чувством вины. Мотив вины, имплицитно присутствующий в тексте и традиционно сопряженный с образом блудного сына, свидетельствует об измененном онтологическом статусе и потребности героя в покаянии перед отцом, образ которого в произведении завуалирован. Два времени – прошлое и настоящее – выявляют два разных качества состояния лирического героя: «я» в настоящем онтологически противопоставлено «я» в прошлом. Осознание себя в прошлом – в понимании, что уход из отчего дома, связанный с мечтами, фантазией и верой в жизненный успех, принес блудному сыну временную гармонию с самим собой. Изящная поэтическая форма желаний-сновидений о «тирских гетерах» (= блудницах) и «сонме сидонских мудрецов» (= друзьях) обнажает сферу бессознательного.

«И вот, что грезилось, все было: / Я видел все, всего достиг. / И сердце жгучих ласк вкусило, / И ум речей, мудрее книг» [Там же]. Искушенность телесная и умственная сменяется осознанием своего греха через возникшую в тексте оппозицию «материальное – духовное», осознанием, что за растраченными материальными благами стоит главная жизненная потеря – духовное наследство. *«Но расточив свои богатства / И кубки всех отрав испив, / Как вор, свершивший святотатство, / Бежал я в мир лесов и нив. / Я одиночество, как благо, / Приветствовал в ночной тиши, / И трав серебряная влага / Была бальзамом для души»* [Там же]. Ассоциируя себя с вором, свершившим святотатство, герой дает себе оценку как человеку, оскорбившему и не оправдавшему святыне чувства.

В стихотворении выстраивается система дихотомий: «безумие – ум», «материальное – духовное», «святотатство – святыня», «многолюдье – одиночество», «невозможность – возможность», «недостижимость – достижимость», «расточение – обретение».

Уединение (добровольное одиночество) как отказ от большого мира – очередной самостоятельный выбор жизненного пути (1-й выбор – уход из дома) сменяется трагическим осознанием невозможности возвращения, недостижимости родного дома. «Точка зрения» героя-нарратора отражает трагизм положений в 6-7 строфах и содержит самоприговор невозврата: *«И вдруг таким недостижимым / Представился мне дом родной, / С его всходящим тихо дымом / Над высыхающей рекой! / Где в годы ласкового детства / Святыней чувств владел и я, – / Мной расточенное наследство / На ярком пире бытия!»* [Там же, с. 124]. В последней строфе стихотворения устремленность героя к внутренней гармонии с миром и с самим собой – свидетельство состояния *не-обретения* истинной, духовной гармонии, готовности воссоединения / восстановления духовных связей с отчим домом (=отцом), значение которых выше связей кровных. Внутренняя потребность восстановления связей как следствие трансформации аксиологических представлений, обусловленных ментальными изменениями в сознании персонажа, становится главным событием со значением сопричастности к Божественному началу.

Нарративная организация стихотворения «Блудный сын» имеет кольцевую композицию. Однако композиционная завершенность не дополняется завершенностью смысловой: предположение в раздумье-размышлении персонажа 1-ой строфы, выраженное через смысловую координату «Ужели», не сменяется поступком, имеющим характер результативности, – фактом возвращения. Желание обретения счастливых, бестревожных мгновений жизни остается в том же статусе. Вечная устремленность к дому как неу осуществленное желание лишает героя возможности обретения гармонии, но не лишает надежды. Имея модальность жанра размышления/воспоминания, нарративная структура стихотворения возвращает сюжет к исходной

точке, в которой главным достижением лирического персонажа является *обретение духовного опыта*, свидетельствующее о темпоральной дистанции между «я» в прошлом и «я» в настоящем.

В модели стихотворения «Блудный сын» с ключевым архетипическим образом перекодируется известная нарративная информация. Повествуемая героем-нарратором история предлагает взгляд изнутри, самооценка блудного сына дополняет инвариант, «растягивая» его смысл, производя смысловой прирост к мифологической ситуации. Собственную «точку зрения» на бытие лирический герой эксплицирует через сюжет собственной жизни. Эпическое развертывание событийного ряда моделируется в сознании героя-нарратора через механизм памяти и отбор актуальных для него элементов истории прошлого. Однако основой смыслообразования является именно медитативная направленность дискурса. Ментальная перемена трансформирует ценностное восприятие мира героем. Духовная позиция, которую достиг герой, «исключает возвращение к более ранним точкам зрения» [4, с. 26].

Список литературы

1. Брюсов В. Я. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / сост., вступ. статья и коммент А. Козловского. М.: Худож. лит., 1987. 575 с.
2. Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. С. 172-189.
3. Чевтаев А. А. Герой в нарративной лирике: структура и аксиология [Электронный ресурс] // Narratorium. 2011. № 1-2. Весна-осень. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027602>
4. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 300 с.

AUTHOR – NARRATOR – CHARACTER IN POEM “PRODIGAL SON” BY V. BRYUSOV

Rad' El'za Anisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
elza_rad@mail.ru

The author considers the fusion of character's text with narrator's text, which is typical of many lyrical works. The only “point of view” in the poem represents the subjective experience and reflects the spiritual experience of lyrical character – the prodigal son – as the evidence of changes in his condition. The primary object for modeling the story-fable structure of lyrical work, which has an inner plot, was the mythological model with coded meanings.

Key words and phrases: author; memory; character-narrator; diegesis; archetypal plot; motive; equivalence.

УДК 37.016: 811.112.2

Педагогические науки

В статье рассматриваются проблемы изучения фразеологических единиц немецкого языка и использования их в речи студентами неязыковых факультетов. В целях успешного усвоения фразеологических единиц предлагается применение языковых, речевых и лингвокультурологических упражнений. В статье акцентируется внимание на более часто употребительных фразеологических единицах с целью их быстрого усвоения студентами неязыковых факультетов на начальном этапе обучения иностранному языку.

Ключевые слова и фразы: фразеологические единицы; национально-специфические особенности языков; лингвострановедческий анализ; языковые, речевые и лингвокультурологические упражнения.

Рыжкова Антонина Ивановна, к. пед. н., доцент
Марийский государственный университет
see_antonina@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ В РЕЧИ СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ[©]

Язык любого народа обладает определенным количеством идиом, которые придают ему особый колорит, но и затрудняют его усвоение. Фразеологические единицы, при уместном их применении, оживляют и украшают речь, и именно они являются важным строительным материалом любого языка.

Профессор В. Н. Телия пишет, что «фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание, именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации» [5, с. 56].

При обучении студентов неязыковых специальностей иностранному языку большое внимание уделяется расширению их словарного запаса. А одним из действенных средств его обогащения является работа